

ВЕЧЕРА АРТИСТОВ МХАТ

До войны в Харькове утвердилась отличная традиция: на сценах наших театров в летние месяцы пля лучшие в Советском Союзе постановки. Из московских театров разве только Большой не приезжал к нам в полном составе. В послевоенные годы лето стало тихим «смертным» сезоном — в харьковскому зрителю, жаждущему увидеть работы прославленных советских театров, посмотреть игру мастеров, приходиться только сетовать на работников областного отдела искусства, на горьколюбом, полагающих, что вторая столица Украины может пребывать в состоянии театральной дремы. Пожалуй, оно спокойнее для организаторов, но у людей, ценящих искусство, по этому вопросу есть особое мнение...

Отличнейший юнец, сделанный фидармонией, показывает, какой шпиртовой отклик находит в Харькове выслушания мастеров советского искусства. Вечера актеров МХАТ'a превратились в большой театральный праздник. Конечно, зрителю хотелось бы увидеть — и она имеют на то право — спектакли лучшего советского театра в таком виде, как они идут в Москве. Наши гости — группа мастеров МХАТ'a — могли предложить отрывки из пьес, а не самые пьесы, отдельные эскизы, а не всю картину в целом, со всем богатством ее красок и полнотой замысла. К тому же сцены из спектаклей развертывались в обстановке, которая сама по себе представляет суровые испытания для актеров. Исполнители играют без грима и театральных костюмов, несколько стульев, стол — вот и все «декорация». Пожалуй, единственным реквизитом на сцене является арфа в «Школе злословия», но она оказалась не бутфорской, и О. Андровская демонстрировала не только блестящую технику комедийной игры, но и не легко дающееся умение играть на арфе.

В условиях спектакля — концерта актер остается, что называется, вадием со зрителем. Единственным его оружием является его мастерство.

МХАТ имеет не только свои традиции, но, что гораздо важнее, свою систему, которая определила эти традиции. Дух искания, максимальное приближение театральной правды к правде жизненной, умение актера перевоплощаться в изображаемое лицо — короче, все, что десятилетиями воспитывали в актерах К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, живет у молодыхцев разных поколений, как органическое свойство, объединяющее их творчество, как действительный закон, как могучий импульс, не позволяющий коллективу замкнуться, превратиться в музей, останавливаясь на достигнутом. Художественная полнокровность мхатовцев с полной силой сказалась и в показе отрывков из пьес.

На сцене развертывается эпизод

Группа артистов МХАТ, гостящая в Харькове. Сидят (слева направо): народный артист СССР Б. Добровраов, народная артистка РСФСР О. Андровская, заслуженная артистка М. Титова, заслуженный артист П. Массальский; стоят (слева направо): заслуженный артист М. Яншица, заслуженный артист В. Белокурова, заслуженный артист А. Комиссаров, артист З. Пильная, народный артист РСФСР лауреат Сталинской премии А. Грибов, артист Е. Калужский, заслуженный артист Б. Петкер. Фото В. ЮДАЕВА.

из «Кремлевских курантов» — беседа В. И. Ленина с часовщиком. Несомненно, черты лица А. Грибова и без грима чем-то напоминают характерный облик В. И. Ленина. Однако не в отдаленном сходстве кроется сила актерского воздействия. Незаметно, неуловимо А. Грибов, минуто назад игравший в «Мертвых душах», преобразуется не столько внешне, сколько внутренне. Как подлинный художник он рисует в эпизоде некоторые черты В. И. Ленина: его умение слушать и делать далеко идущие выводы из обычных фактов, его великую человечность и обаяние гения. Как заразительно весело смеется Ленин в исполнении Грибова, слушая рассказ часовщика о неожиданном финале басни Эзопа, как возмущенно-торжественно говорит он о кремлевских курантах — главных часах в государстве! Б. Петкер на полтонах, очень своеобразно раскрывает часовщика, как артиста, в котором живет гордость художника за свое дело, как энтузиаста трудового задания, которое поручил ему Ленин.

Отличной гравюрой, в которой мастерски выписан каждый штрих, предстали сцены из «Мертвых душ». Б. Добровраов (Ноздрев) и В. Белокурова (Чичиков) играют в часто гоголевской широкой манере, с огромным внутренним юмором, позволяющим до предела раскрыть старую крепостническую страну. Наряду с рыкающим грозным Ноздревым, плутом и стяжателем, стоит плут и стяжатель Чичиков, вкрадчивый и мягкий, человек без скелета, любезный до приторности, такой материальней предстательней кошачьей поро-

ды, готовый, как и Ноздрев, сложить любую кувшину, но с умильной улыбкой, под аккомпанемент собственного мурлыканья.

Жаль, что т. Добровраов порой излишне сгущает краски в отдельных местах. Такой была сцена прощания с Чичиковым. Ноздрев-Добровраов вдруг начинает удерживать его ноги — деталь весьма неудачная, которую артист придумал, очевидно, экспромтом. Ее нет на сцене МХАТ'a, как не было ее и в первых концертах.

Отрывки из «Школы злословия» были демонстрацией отличной школы непринужденного, тонкого комедийного мастерства О. Андровской (леда Твэл), М. Яншица (сэр Питер), П. Массальского (Чарльз) и А. Кторовы (Джозеф). В сценах из «Женидьбы Белугиня» ярко заблистало дарование М. Титовой.

Харьковские театралы помнят давнишние гастроли коршевцев, в которых игра В. Поповой и А. Кторовы украсила любой спектакль. Конечно «Бесприданница» далеко не лучший выбор из того, что они могли бы показать теперь, однако в финальной сцене (смерть Ларисы) в полную силу прозвучала трагическая возвышенность, была ясна истинность и глубина чувства — качества, столь характерные для таланта В. Поповой, острота характеристики и завершенность деталей, отличающие А. Кторову.

Подлинным театральным праздником являются вечера артистов замечательного русского театра, показавших в труднейших условиях спектакля-концерта свое убедительное и правдивое мастерство.

В. МОРСКОЙ.